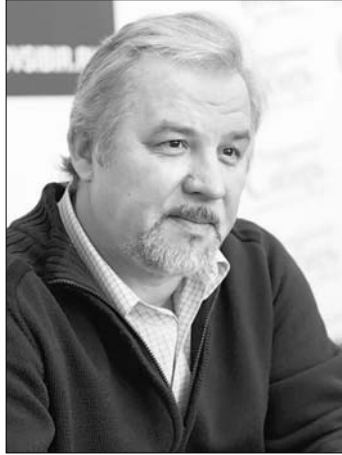

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ПОЛУДЕННЫЕ ЛЬДЫ

* * *

Не много раз себе принадлежав,
Вне суеты, пороков и нажив,
Ты на руинах рухнувших держав —
Любви и веры — жив, покуда жив.

Из Толмачёво лайнеры плывут
Туда, где неба злато-серебро...
Кому-то — труд, кому-то — Голливуд,
Кому-то — подаянье у метро.

А мне, на стыд и боль, уж коли трезв,
Лишь повторять: “Помилуй и прости!”
Отказываюсь напрочь, наотрез
Синицы пух держать в горсти.

Играй, оркестр! Рыдай, гармонь, рыдай!
Прощай, славянка, кончены слова...
Лети, синица — прямо... прямо в рай,
Где мама и любимая жива.

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился на Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг “Окоём”, “Могила Великого Скифа” и других, а также сборников стихов, книг очерков и эссе. Секретарь правления Союза писателей России и сопредседатель Ассоциации писателей Сибири. Живёт в Новосибирске.

ЗВЕНЬ ВОСКРЕСНАЯ

Звон раскрывшегося лотоса
Золотого,
Явью явленного логоса
Молодого,

Исходящего свечением
Сквозь печали,
Сквозь страданья, сквозь мучения,
Льна в начале,

Опадающего пеленой
Плащаницы —
Искрой во море нацеленной
Звень-синицы!

Ибо кончилось рыдание
Тлена страсти
И назначено свидание
Во причастье...

ВОЛОДЕЕ

Ангел разбился фарфоровый,
Ангел разбился.
Не по случайности скоро ли
Звон приключился?

Иль потому, что по-ангельски —
Не до боязни?..
Так разлетается на куски,
Искрами — праздник.

Так отломилось крыло его,
Флейта умолкла,
Так золотая мелодия
Таяла долго.

.....
Слёзы твои вытру досуха.
Возвеселею.
И — звень-сияние воздуха
Заново склею!..

* * *

Полуденные льды. Песок. И склон оврага.
Я здесь уже бывал и в жизни, и в стихах.
Не знаю, что главней, где кровь, а где бумага,
И где, чуть погода, останусь в дураках.

А с берега видать лишь ровное, пустое
Полуденного льда лужёное лицо.
Что в нём отражено? Лишь образы покоя,
Где небо и вода мир обняли в кольцо.

О чём мне думать здесь? О том ли, что пустыня
В библейской чистоте не знает о грехах.
Нет женщины во льдах с её мольбой о Сыне,
Лишь отражённый свет таится в облаках.

Нет женщины во льдах. Всё девственно, всё голо.
Лишь трещина прошла от ног моих туда,
Где солнце льёт своё неистовое соло,
Где тают в полыньях, звеня, кристаллы льда.

Чудя, дробится луч в игольчатых кристаллах...
Я думаю о нас... Я ведаю о них...
Всё будет хорошо для сих — больших и малых,
Уже взошла душа
для всех для малых сих.

* * *

Лишь ветер в ветвях января не забыл амфибрахий,
Когда среди плёса Катуня гусыня кричит.
Когда на Крещение в купели, во духе, во прахе —
В ледовом окружье горит победительный щит.

И кто мне сулит во злобе немоту и сиротство?!
Не перстью, не костью, но словом останусь вовек.
А что до кровей и заведомых тайн первородства?..
Спросите об этом алтайский сиятельный снег!